

Медведев Николай Владимирович

КАТЕГОРИЯ СЧАСТЬЯ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

Современная моральная философия долгое время находилась под влиянием двух основных теорий: кантианства и утилитаризма. Растущая неудовлетворенность этими теориями способствовала возрождению в последние десятилетия этической теории счастья и теории добродетелей Аристотеля. В представленной статье исследуется одна из главных тем аристотелевской моральной философии - категория "счастье", разбираются наиболее дискуссионные вопросы, связанные с понятием счастья. Теория счастья Аристотеля является наиболее полно разработанной, ясной и всеобъемлющей в сравнении с аналогичными этическими теориями. Прикладная задача исследования заключается в том, чтобы побудить читателя к серьезному, вдумчивому изучению моральной философии Аристотеля, что позволит выработать индивидуальное представление об образе жизни, релевантном идее человеческого счастья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 125-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091); 17.02

Философские науки

Современная моральная философия долгое время находилась под влиянием двух основных теорий: кантианства и утилитаризма. Растущая неудовлетворенность этими теориями способствовала возрождению в последние десятилетия этической теории счастья и теории добродетелей Аристотеля. В представленной статье исследуется одна из главных тем аристотелевской моральной философии – категория «счастье», разбираются наиболее дискуссионные вопросы, связанные с понятием счастья. Теория счастья Аристотеля является наиболее полно разработанной, ясной и всеобъемлющей в сравнении с аналогичными этическими теориями. Прикладная задача исследования заключается в том, чтобы побудить читателя к серьезному, вдумчивому изучению моральной философии Аристотеля, что позволит выработать индивидуальное представление об образе жизни, релевантной идее человеческого счастья.

Ключевые слова и фразы: благо; счастье; добродетель; моральная философия; эвдемонизм; Аристотель; «Никомахова этика».

Медведев Николай Владимирович, д. филос. н., профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
mny88@mail.ru

КАТЕГОРИЯ СЧАСТЬЯ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-00048, проект «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ».

Введение

Проблемы, связанные с пониманием счастья, остаются дискуссионными со времен Платона и Аристотеля. Несмотря на множество ответов на вопросы «что такое счастье?», «достижимо ли оно?», даваемых в разнообразных растянувшихся во времени философских теориях, аристотелевское позитивное объяснение счастливой жизни по-прежнему вызывает устойчивый интерес у людей, убежденных в наличии рациональных основ человеческого бытия в мире.

Аристотель – один из самых выдающихся мыслителей прошлого. Родился он в городе Стагир, расположенном на границе с Македонией, в 384 году до н.э. Его отец по имени Никомах был врачом. В 367 году Аристотель прибыл в Афины и поступил в Академию Платона, в которой находился в течение последующих двадцати лет сначала учеником, а затем учителем. В 347 году после смерти Платона Аристотель покинул Афины на тринадцать лет, некоторое время он был воспитателем Александра Македонского. В 334 году после возвращения в Афины Аристотель создал собственную философскую школу вблизи храма в честь Аполлона Ликейского, отсюда происходит название школы – Лицей. В Лицее Аристотель оставался до конца своей жизни, умер он в 322 году.

Диапазон и многогранность творчества Аристотеля поражают. Он является основоположником различных научных дисциплин и направлений, внес весомый вклад в развитие логики, математики, биологии, физиологии, астрономии, теологии, литературы, риторики и многих других областей знания. Данте Алигьери назвал его «учителем тех, кто знает» [3, с. 25]. Труды Аристотеля, переоткрытые на Западе в начале второго тысячелетия, признавались в качестве методологического эталона в решении любой научной проблемы. До сих пор распространено мнение, что достаточно обратиться к соответствующему тому собрания сочинений Аристотеля, чтобы пролить свет на тот или иной интересующий нас вопрос.

Особой заслугой Аристотеля является создание науки этики. В разработанной им классификации наук этика относится к группе практических наук, поскольку она обращена к человеческому поведению и связана «со свободным выбором, осуществляемым человеком» [10, с. 133]. Согласно Аристотелю, мы хотим знать, что такое благо, потому что познание этой проблемы оказывает огромное влияние на наш образ мышления и поведения, и мы, «словно стрелки, видя мишень перед собой», вернее достигаем должного [1, с. 55]. Думаю, большинство из нас примет утверждение, что большой интерес к моральной философии в значительной степени обусловлен практическими устремлениями. Каждый человек старается достичь блага, прожить свою жизнь благообразно, совершая должные поступки, и все мы в целом желаем блага и процветания своим родным, друзьям, своему народу и государству, в котором живем. Поэтому вполне объясним тот факт, что теория счастья Аристотеля по-прежнему пользуется популярностью в интеллектуальной среде.

Следует отметить, что современная моральная философия долгое время находилась под влиянием двух основных этических теорий: кантианства или деонтологии, с одной стороны, и утилитаризма или теории консенсуализма, с другой. Растущая неудовлетворенность научного сообщества этими теориями способствовала возрождению в последние десятилетия этической теории счастья Аристотеля и его концепции добродетелей.

Когда обсуждают теорию счастья и этику добродетелей Аристотеля, то, как правило, подразумевают его сочинение «Никомахова этика», которое служит ключом к разгадке размышлений античного мыслителя по основным нравственным вопросам. Здесь представлены в наиболее полном виде его зрелые суждения о моральной

философии. «Никомахова этика» состоит из десяти «книг», каждая из которых содержит несколько глав. Все книги сосредоточены на анализе определенной темы или небольшого набора тем. Сведения о том, когда именно Аристотель написал свое сочинение, и является ли он автором «Никомаховой этики», недостоверны. Есть предположение, что Аристотель посвятил это сочинение своему сыну Никомаху (или отцу, которого также звали Никомах). Однако данное предположение опровергается тем фактом, что во времена Аристотеля не было обычая посвящать работы какому-либо лицу [4, с. 5]. Существует традиция, утверждающая, что незадолго до своей смерти Аристотель повторно редактировал текст «Никомаховой этики», чем объясняются встречающиеся в тексте разночтения. Следует сказать, что Аристотель писал свои сочинения не для «опубликования». После того, как он прочитывал свои лекции ученикам в Лицее, рукописи сдавались в библиотеку на хранение.

Несмотря на имеющиеся трудности в понимании и истолковании «Никомаховой этики», данное сочинение Аристотеля оказало огромное влияние на человеческую культуру как в границах европейской христианской традиции, так и за ее пределами. Эта книга продолжает и сегодня играть важную роль в исследованиях природы этики и видов добродетелей. Так, современный последователь Аристотеля Аласдер МакИнтайр в работе «После добродетели» (1981) доказывает, что крах идей Просвещения правильной объяснить как следствие произошедшего в XVI и XVII веках ошибочного отказа от «традиции добродетелей», ключевую роль в создании которой сыграли Сократ, Платон и Аристотель [2, с. 179].

Вместе с тем Аристотеля мы не должны рассматривать как «изолированного мыслителя», вне контекста культурной жизни античного общества и традиции философского рационализма, одним из основателей которой он является. По словам Ф. Х. Кессиди, Аристотель – «прирожденный» интеллектуалист: «для него разум составляет субстанциональную основу познавательной и всякой иной деятельности человека» [4, с. 8]. Исследуемые Аристотелем проблемы (сущность и назначение человека, природа добродетели и др.) активно обсуждались в греческой философской культуре его предшественниками – Сократом и Платоном.

Сократ учил, что добродетель (греч. *arete*) есть то, что делает душу благой и совершенной. Главный моральный принцип в его учении сводится к утверждению, что добродетель заключается в знании, поэтому тот, кто поступает неправильно, действует так по незнанию (неведению). Иными словами, у Сократа добродетель связана со знанием и познанием, а порок – с невежеством.

Платон разделял рационалистические установки своего учителя – Сократа и продолжил развивать данную линию мышления, отождествив моральную добродетель с гармонично структурированной душой, в которой разум управляет страстями и ведет личность по пути нравственного совершенствования. Согласно Платону, «забота о душе», означающая очищение, достигается посредством разрыва с чувственным и соединения с родственным миром интеллигибельного и духовного [8, с. 119]. Аристотель философствовал в русле данной интеллектуальной традиции, причем он задавался аналогичными этическими вопросами и использовал разработанный его предшественниками категориальный аппарат.

В представленной статье исследуется одна из главных тем аристотелевской моральной философии – категория «счастье», разбираются наиболее дискуссионные аспекты, связанные с понятием счастья. Теория счастья Аристотеля является наиболее полно разработанной, ясной и всеобъемлющей в сравнении с аналогичными этическими теориями. Определение счастья у Аристотеля тесно смыкается с понятием добродетели, поэтому в работе проясняются также его воззрения о сущности добродетели. Прикладная задача исследования заключается в том, чтобы побудить читателя к серьезному, вдумчивому изучению моральной философии Аристотеля, что, несомненно, позволит выработать индивидуальное представление об образе жизни, релевантной идее человеческого счастья.

О счастье

Отправным пунктом философских размышлений древних греков в моральной философии был вопрос: «Что такое благая жизнь?». Этот вопрос непосредственно связан с другим: «Что такое счастливая жизнь?». Несмотря на то, что греческие философы действительно много говорили о правильном поведении, добродетельных поступках, все же в центре их внимания располагалась проблема счастья, а также вопрос об основах счастливой человеческой жизни во всей ее полноте.

То, что Аристотель фокусирует свое внимание на исследовании индивидуального счастья, вовсе не означает, что его этика по своей сути является эгоистической (или индивидуалистической). Рассуждения античного мыслителя были направлены не столько на защиту всякого преднамеренного, своекорыстного поведения, сколько на формирование социально поддерживаемого, одобряемого нравственного идеала. По утверждению Поля Рикёра, «в Аристотелевской этике речь может идти лишь о благе для нас» [9, с. 208]. Согласно Аристотелю, «благо народа и государства (достижение его и сохранение) является более важным, чем благо одного человека, даже если благо последнего совпадает с благом государства» [1, с. 55]. Это высказывание Аристотеля выражает явную социальную направленность его морального учения.

Иногда Аристотеля упрекают в том, что он нигде не говорит о подлинном самопожертвовании как «непреклонном стремлении к духовной целостности» (Эрих Фромм). Думаю, что это не так. Его рассуждения о добропорядочном человеке, который «уделяет себе большую долю нравственной красоты» [Там же, с. 259], можно интерпретировать как неуклонное стремление добропорядочной личности к духовному росту и самосовершенствованию, даже ценой утраты своей собственной жизни. По словам Аристотеля, добропорядочный человек отважно умирает на поле брани, «многое делает ради друзей и отечества», и в этом случае он избирает то, что для него самого есть «величие и красота» [Там же, с. 258].

Следует считать удачным методологическим приемом Аристотеля его рекомендацию различать *понятие* счастья и различные *концепции счастья*. Если мы рассуждаем о том, что есть человеческое счастье, то используем при этом то же понятие, т.е. придаем слову «счастье» одинаковое значение. Это дает нам возможность участвовать в обсуждении данной темы. Однако люди в своем жизненном поведении руководствуются разнообразными представлениями о счастье: «для одних счастье – это нечто наглядное и очевидное, скажем, удовольствие, богатство или почет – у разных людей разное; а часто [даже] для одного человека счастье – то одно, то другое: ведь, заболев, [люди видят счастье] в здоровье, впав в нужду – в богатстве, а зная за собой невежество, восхищаются теми, кто рассуждает о чем-нибудь великом и превышающем их [понимание]» [Там же, с. 57].

Аристотель вынужден считаться с различными человеческими воззрениями о счастье, что, несомненно, препятствует формированию правдоподобной концепции. Представления о счастье принимают разнообразные формы, потому что разные люди стремятся к овладению различными благами на пути к счастью. В отдельных случаях это может привести к ложному пониманию счастья. Важнейшая роль в исправлении возможных ошибок принадлежит образованию, с помощью которого можно избавиться от неверных представлений о счастье [5, с. 43].

Воззрения самого Аристотеля о счастье кратко можно представить так. Все люди стремятся к счастью, поскольку счастье есть конечная цель человеческих устремлений. «Никомахова этика» начинается с утверждения, что «всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор <...> стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определили благо как то, к чему все стремятся» [1, с. 54]. Аристотель характеризует человеческую жизнь как деятельность (*energeia*), направленную на реализацию заданных целей, соотносимых с понятием блага. Собственно благо (или наивысшее благо) есть цель, «желанная сама по себе», а остальные цели желанны ради нее. Это выглядит как последовательность или очередность целей, устремленных к последней и конечной цели – наивысшему благу. Высшим благом Аристотель называет счастье, а под благоденствием и благополучием подразумевает, в соответствии с мнением большинства людей, счастливую жизнь (*эвдемония*) [Там же, с. 57].

Аристотель выстраивает иерархию действий и искусств, чтобы обосновать укорененность понятия цели счастливой жизни в человеческой практике и таким способом обнаружить ее объективные характеристики. Так, поскольку искусство делать уздечку служит средством для искусства править лошадьми, постольку оно менее полно, чем искусство править лошадьми. Но искусство править лошадьми служит цели науки военачалия, а поэтому подчинено ему. Посредством такой эмпирической аргументации Аристотель подводит нас к мысли, что инструментальные блага являются более низкими в сравнении с благом, которое одновременно есть благо само по себе и служит средством достижения других благ. Самое *совершенное (полное, конечное)* благо никогда не является средством достижения какого-то другого блага, оно является благом самим по себе. Это наивысшее благо, по Аристотелю, и есть счастье. По меткому выражению Рикёра, у Аристотеля «счастье есть некоторым образом то, что кладет конец бегству желания вперед» [9, с. 209].

Тот же смысл совершенного блага (или счастья) проистекает из понятия *самодостаточности*. Данное понятие было очень популярным в философских спорах античной культуры. Согласно Аристотелю, *самодостаточным* является то, «что одно только делает жизнь достойной избрания и ни в чем не нуждающейся» [1, с. 63]. Однако он вовсе не считал, что человеческая жизнь может быть счастливой только в том случае, если индивид «ни в чем не нуждается». На мой взгляд, нелепо рассуждать подобным образом, поскольку в любой человеческой жизни всегда недостает того, что могло бы ее изменить в лучшую сторону. В данном случае правильное интерпретировать мысль Аристотеля так: его подход направлен на обоснование концептуальной ограниченности любой возможной теории счастья, поскольку она всегда может быть усовершенствована путем добавления какого-то упущенного блага. Если вы утверждаете, скажем, что счастье состоит в удовольствии, и допускаете, что «жизнь, доставляющая удовольствие при разумности, больше заслуживает избрания, чем без нее» [Там же, с. 269], то тем самым это доказывает, что анализируемая концепция счастья демонстрирует свою ограниченность и неполноту.

Теория счастья Аристотеля получила известность под названием «инклюзивистская», очевидно, по той причине, что многие восприняли его суждения о самодостаточности чересчур буквально, полагая, что понятие «счастье» должно включать в себя все виды блага. Например, если человек не приобрел какую-то нужную ему и полезную вещь, то он не будет счастлив. Однако критерии *конечности* и *самодостаточности* еще не говорят в пользу исключительно инклюзивистского истолкования аристотелевской концепции счастья.

В противоположность «инклюзивистской» интерпретации учеными была разработана так называемая «доминирующая» интерпретация, согласно которой Аристотель рассматривает счастье как главное или «доминирующее» благо в ряду других благ. Данная интерпретация в определенной степени соотносится с его монистическим подходом к понятию счастья. Действительно, анализ текста «Никомаховой этики» показывает, что Аристотель придерживается монистической концепции счастья, всячески отстаивая истинность своего эвдемонистического учения [12, р. 397]. Предложив вариант объективного обоснования категории счастья, Аристотель заявляет буквально следующее: «человеческое благо представляет собою деятельность души сообразно добродетели, а если добродетелей несколько – то сообразно наилучшей и наиболее полной [и совершенной]. Добавим к этому: за полную [человеческую] жизнь» [1, с. 64]. Критерий конечности в данном случае предполагает, что наиболее полная добродетель является конечной добродетелью. Поэтому влияние «доминирующей» интерпретации обусловлено опорой на приводимый Аристотелем в десятой книге «Никомаховой этики» аргумент, согласно которому счастье должно отождествляться только с одним видом блага, а именно с «созерцательной деятельностью», или философским созерцанием [Там же, с. 281]. Правда,

в таком случае *инклюзивист* может сослаться на то, что Аристотель в первой книге своего сочинения доказывает, что счастье – это «определенного качества деятельность души сообразно добродетели» [Там же, с. 69], и обсуждает, какая из добродетелей является самой важной. Тем не менее Аристотель признает созерцательную деятельность в качестве высшей формы деятельности, так как «ум – высшее в нас» [Там же, с. 281]. А счастье есть добродетель, причем такая добродетель, которая является неперменным условием счастливой жизни и носит практический характер (мудрость, смелость, сдержанность).

Существует также теоретическая добродетель людей, преданных науке и философии. Особое значение для счастья человека имеет справедливость, которая в той мере необходима душе, в какой здоровье необходимо телу. Самый счастливый человек, по Аристотелю, – это философ, овладевший не только справедливостью, но и диалектикой науки, позволяющей ему в полной мере управлять собственным естеством. Высшее счастье состоит в деятельности лучших сторон души, направленной на умножение знаний и истины. Согласно Аристотелю, счастье может быть обнаружено лишь в опыте нравственных добродетелей (щедрость, благоразумие и др.) [5, с. 44]. Вместе с тем в тексте «Никомаховой этики» мы не найдем высказываний, которые могли бы служить оправданием имморализма в случае, скажем, стремления человека приобщиться к философским занятиям ценой каких-то порочных или незаконных поступков. Например, кто-то решился совершить кражу денег, чтобы оплатить свое обучение в престижном университете. Такие действия никак не могут быть оправданы ссылкой на аристотелевскую моральную философию.

Раскрыв критерии понятия счастья и его связь с благом, Аристотель затем переходит к обсуждению вопроса о назначении (*ergon*) человека. Он проводит всесторонний анализ разнообразных видов деятельности людей в надежде пролить свет на природу человеческого счастья. Он задает вопросы: Что делает флейтиста флейтистом? Ваятеля ваятелем? И отвечает: это их особая деятельность – игра на флейте, ваяние скульптуры. Собственно благо и совершенство флейтиста, ваятеля и всякого мастера заключены в их деле, а именно в совершении своего дела «хорошо и прекрасно в нравственном смысле» [1, с. 64]. То есть счастье сопряжено с избранным человеком видом деятельности (точнее, с определенным профессиональным уклоном), которую он выполняет хорошо и которая относится к востребованным, поощряемым обществом делам.

Следует также обратить внимание на то, что концепция счастья Аристотеля связана с его психологией, т.е. познанием природы человеческой души. Аристотель обсуждает отличительные признаки человеческой сущности в целом, т.е. родовую сущность человека, обнаруживаемую им в разуме. Характерная деятельность человека как представителя рода заключается в применении своей разумной природы. Это и есть тот слой человеческой души, который отличает человека от растений и животных; данный слой психики, по мнению Аристотеля, делает людей тем, что они есть на самом деле. Жизнь разумного существа определяется Аристотелем с позиции деятельности. Он полагает, что «дело человека – некая жизнь, а жизнь эта – деятельность души и поступки при участии суждения» [Там же]. Человек достигает блага, если в своей деятельности совершает правильные поступки, а посредством упражнений своего разума учится выполнять свое дело хорошо. Что это означает? Благо есть хорошее действие, а действовать хорошо значит выполнять свое дело сообразно добродетели. Поэтому правильное применение ума предполагает осуществление человеком своей основной функции, а именно приведение ума в действие сообразно добродетели.

Этот знаменитый довод Аристотеля известен как «функциональный аргумент»: «в нем отражено то особенное в человеке, что, существуя как активный агент, он предоставляет для наблюдения в первую очередь итоги своей деятельности, которая во многом обусловлена его потребностями и встроенностью в социальные институты – у каждого человека в некотором наборе его социальных функций есть цель, эта цель соответствует многообразию социально значимой деятельности, она поливариантна» [7, с. 73]. Данный аргумент часто подвергается критике в виде следующих возражений: Разве люди связаны с единственной присущей им формой деятельности? Не является ли ум свойством и других существ (например, богов)? Почему предполагается, что благо человека вообще (как представителя рода) состоит в выполнении присущей ему деятельности хорошо? Не может ли случиться такое, что благая человеческая жизнь в нравственном отношении окажется далеко не самой лучшей жизнью, особенно если мы говорим в терминах нашего собственного благополучия? Почему выполнение разумной деятельности хорошо не должно быть связано с поисками человеком удовольствия, почета или власти?

Возможно, некоторые из указанных выше возражений основаны на претенциозной интерпретации функционального аргумента. Однако каких-то из них можно избежать, если мы будем рассматривать теорию счастья Аристотеля как опирающуюся не только на функциональный аргумент, но и на обоснованные им конкретные виды добродетелей, представленные в Книгах II-V «Никомаховой этики». Конечно, с нашей стороны будет слишком поспешно заявлять, что хорошо выполненная разумная деятельность, так называемая совершенная деятельность, есть действие сообразно добродетели. Вместе с тем проведенный Аристотелем детальный анализ добродетельной (и порочной) жизни помогает лучше уразуметь смысл его категории счастья.

По Аристотелю, одного знания совершенно недостаточно, счастливый человек должен иметь возможность свободно выбирать из тех видов деятельности, которые ведут к добродетели, а это значит, что выбор определяется не одним только знанием, но и самим выбирающим [5, с. 45]. Подход Аристотеля к решению проблемы счастья выглядит как натуралистический, земной и эмпирический в сравнении с учением его предшественника и учителя Платона. Последний утверждал, что благо, как нечто, объединенное одной идеей, является источником бытия и счастья. Однако Аристотель решительно отвергал данное представление и не соглашался с тем, что только знание создает добродетель и счастье.

Таким образом, на основе деятельностного (ergon) или функционального аргумента Аристотеля строится вывод: человеческое счастье – «это деятельность, сообразная добродетели» [1, с. 281]. Несомненно, этот вывод имеет радикальные следствия для порочной или аморальной личности, которой буквально незачем жить, так как порочность сеет несчастье. Однако, чтобы полностью прояснить суть понятия счастья в этическом учении Аристотеля, нам необходимо ответить на вопрос, что именно он подразумевает под словом «добродетель»?

Природа добродетели

«Добродетель человека, – утверждает Аристотель, – это, пожалуй, такой склад души, при котором происходит становление добродетельного человека и при котором он хорошо выполняет свое дело» [Там же, с. 85]. Следует сказать, что греческая культура была одной из самых замечательных в этико-эстетическом смысле. Поддерживаемый стиль жизни древнегреческого общества был направлен на формирование гармонично развитой, добродетельной личности через обучение и воспитание. Юношей поощряли состязаться друг с другом в различных видах деятельности, включая спортивную, интеллектуальную и художественную сферы.

Следует подчеркнуть, что Аристотель называет «человеческой добродетелью» не тела, но души, а счастьем – деятельность души. Поэтому, когда мы стремимся постигнуть смысл аристотелевского определения счастья как «некой деятельности души в полноте добродетели» [Там же, с. 74], нам нужно отталкиваться от его понимания души, т.е. его психологии. Душа, по Аристотелю, представляется двусоставной, включающей разумную и неразумную части. Разумная часть души является источником дианоэтических (мыслительных) добродетелей, самая важная из которых – практическая мудрость. Мыслительные добродетели приобретаются в основном через обучение, в то время как добродетели характера формируются через привычку (или обычай). Скажем, уже в раннем возрасте можно проявлять удивительные математические способности, однако формирование добродетели характера больше походит на обучение определенному навыку или мастерству, например, плотничному делу; последнее связано с неразумной частью души. Сложившийся характер человека приводит его к выбору добродетельных поступков ради них самих.

Таким образом, добродетель у Аристотеля является неременным условием счастливой жизни и носит практически осмысленный характер. МакИнтайр характеризует комплекс выделенных Аристотелем добродетелей так: «Добродетели – это такие качества ума и характера, без которых нельзя достичь необходимого уровня мастерства в таких видах человеческой практики, как искусство и наука, и в таких видах производственной деятельности, как земледелие, рыболовство, архитектура и т.п. Во-вторых, добродетели – это такие качества, без которых человек не может вести наиболее приемлемую, в свете выбранной им деятельности, жизнь. И, в-третьих, это такие качества, при отсутствии которых невозможно процветание общества и не может быть выработано адекватного представления о всеобщем человеческом благе» [2, с. 179].

Положение о связи понятия счастья с практической сферой сближает позицию Аристотеля с позицией Канта, несмотря на то, что немецкий философ отвергал аристотелевское утверждение о счастье как высшем благе. В отличие от Аристотеля, признававшего превосходство истинного счастья над богатством, властью и удовольствиями, Кант считает, что выше счастья исполнение долга, и именно оно делает человека достойным счастья; как носители нравственности, мы избираем не счастье, а долг, эта свобода, согласно Канту, достижима.

Добродетели, согласно Аристотелю, являются склонностями, прививаемыми и развиваемыми в нас обучением, долгим упражнением и привычкой. Ни одна нравственная добродетель не врожденна нам по природе: «Повторение одинаковых поступков порождает соответствующие нравственные устои» [1, с. 79]. Нравственность формируется, по Аристотелю, привычкой [6, с. 48]. Становится ясно, что греческий мыслитель отрицал взятые корни морали, возлагая на государственные органы важнейшую задачу по формированию добродетельной личности и придавая особую важность вопросам этического обучения.

Разбирая признаки счастливой жизни, Аристотель говорит, что «счастливый человек должен жить с удовольствием» [1, с. 260]. Лучшие удовольствия человека связаны с высшими функциями души, с познанием, которое приносит наиболее высокое и досрочное удовольствие. Здесь следует отметить, что эвдемонистическое понимание счастья Аристотеля отличается от гедонистического, поскольку первое состоит не в удовольствии и стремлении к наибольшему количеству наслаждений, а осуществляется в добродетели. Целью человека должны быть добродетель и благо, а не удовольствие. Неслучайно Аристотель призывает нас поразмыслить, во имя чего мы выбираем: жизнь во имя удовольствия или удовольствия во имя жизни? [Там же, с. 275]. Здоровье, богатство и красота – это блага, которые действительно способствуют человеческому счастью, но лишь при условии, что ими мудро распоряжаются, поскольку соотношение добра и зла в них определяется тем, подчинены ли они знанию или нет.

Таким образом, в трактовке Аристотеля деятельность души, устремленная к добродетели, сочетается в счастливой жизни с удовольствием, здоровьем, досугом, благосостоянием, удачей и другими благами, присущими самому человеку или приобретенными им во внешнем мире. Согласно Аристотелю, счастье не является складом души или ее состоянием, скорее счастье следует отнести к деятельности, которая заслуживает избрания сама по себе [Там же, с. 29]. И таковой наивысшей формой деятельности, совпадающей с понятием совершенного счастья, является созерцательная деятельность: «эта деятельность является высшей, так как ум – высшее в нас» [Там же].

В последние десятилетия в научной литературе наблюдается повышенный интерес к аристотелевской этике добродетелей. Главными соперниками этики добродетелей являются утилитаризм и кантианство. Вместе с тем эти две названные теории способны значительно сближаться с аристотелизмом в своих практических выводах. Например, они могут рекомендовать нам быть щедрыми или справедливыми, но причины, по которым

предлагается это делать, могут значительно различаться. Так, согласно утилитаризму, то, что делает действия человека правильными, – это наибольший размер приносимой им пользы. Конечная цель утилитаризма не – максимизация удовольствия для индивида, а наибольшее удовольствие для максимального количества людей. Долг каждого человека – способствовать умножению удовольствий и их преобладанию над страданиями. С точки зрения кантианства, поведение становится правильным, если оно осуществляется в согласии с законами разума. Что же касается Аристотеля, то мы можем постигать его этику добродетелей так, что действия становятся правильными, если они соотносятся с добродетелью. Мы должны судить о жизни человека по добродетелям, которые он проявляет в любой ситуации. Это есть подлинный критерий успеха.

Выводы

Следует отметить, что учение Аристотеля о счастье и добродетелях является дохристианским по своей сути, в нем игнорируется религиозный элемент, на что обратил внимание Бертран Рассел. Величие души и поступков человека Аристотель связывает с рациональной природой, мышлением. «Однако он не ведает любви человека к человеку в том смысле, как этому стали учить христианские богословы; гуманизм Аристотеля, ограничиваясь дружбой и доброжелательностью во взаимоотношениях между людьми, совершенно отличен от принципа христианского гуманизма» [4, с. 36].

Отличие Аристотеля от современных теоретиков состоит в детально проработанном им «объективном» понятии счастья. Его представление о том, что существует универсальное объяснение блага, опирающееся на рациональную природу человека, в настоящее время игнорируется большинством ученых. К тому же никто из них не идет так далеко в своих выводах, как Аристотель, который отождествлял счастье с жизнью по добродетели. Объективными критериями счастья, по Аристотелю, являются совершенство, полнота, завершенность и самодостаточность. Он применяет эти критерии для обоснования качественного превосходства созерцательной (теоретической) деятельности над удовольствием и нравственно добродетельным поступком. Утверждается, что счастье есть деятельность подлинной добродетели, что ум (*nous*), чья деятельность заключается в созерцании, является самой влиятельной частью нашей души, поэтому созерцание – самое совершенное выражение человеческой природы.

Концепция счастья Аристотеля является эвдемонистической и отличается от гедонистической теории, поскольку счастливая жизнь не является конечной целью. Давая релевантную оценку эвдемонистической этике Аристотеля, важно учитывать те конкретно-исторические условия, в которых греческий мыслитель подготавливал и читал свои лекции. Текст «Никомаховой этики» написан два с половиной тысячелетия назад для аристократов, которые жили в городе-государстве, насчитывавшем десятки тысяч человек. Аристотель был убежден, что полисная система является наилучшей формой общественного устройства. Поэтому его выводы о счастье не следует экстраполировать на жизнь в современных национальных государствах. К тому же для нас неприемлемы суждения Аристотеля о ручном труде и рабстве. Необходимо подходить к его наставлениям осторожно, а тем более использовать их в качестве аргументов в современных дискуссиях о счастье и добродетели, так как современные социальные условия жизни людей значительно изменились. Внимательно вчитываясь в работы Аристотеля, мы должны постигать их смысл с учетом особенностей исторического, социально-политического и культурного контекста античной эпохи. Вместе с тем «Никомахова этика», безусловно, остается одним из лучших источников для постижения и усвоения приемлемого нравственного состояния в социуме, ведь добродетельный поступок и есть та самая цель, ради которой мы должны стремиться сделать все возможное.

Современные философы не разрабатывают новые теории счастья, хотя иногда встречается новое обоснование старых доктрин и их критическое осмысление. В то же время происходит расширение сферы интересов социальных наук, психологии и психотерапии. Некоторые представители этих дисциплин употребляют термин «счастье» как эквивалент самоактуализации. Так, по мнению Э. Фромма, А. Маслоу, Аристотель предвосхитил идею самоактуализации. Поэтому, как утверждает Маслоу, мы можем согласиться с мыслью Аристотеля, что хорошая (благая) жизнь, это когда человек живет в согласии с истинной человеческой природой, добавляя при этом, что Аристотель просто не знал достаточно хорошо истинную природу человека [Цит. по: 5, с. 57].

Метод Аристотеля является рациональным. Он считает, что люди должны исследовать рациональным способом человеческое благо в рамках практической деятельности, поскольку они стремятся к достижению счастья для себя и для других. С этой точки зрения выявление изъянов в каждом постигаемом воззрении о благой жизни не является обязательным. По этой причине «Никомахова этика» оставляет неисследованными те концепции счастья, которые широко распространены и представляются нам правдоподобными. Таким образом, истинное значение категории счастья Аристотеля заключается в том, что человеческое благо, как высшая и конечная цель, состоит в нашей способности (и возможности) придавать смысл тем формам жизни, которые мы сами готовы признавать счастливыми.

Список литературы

1. **Аристотель.** Никомахова этика / пер. И. В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 53-294.
2. **Боррадори Джованна.** Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном / пер. с англ. 2-е изд., перераб. М.: Дом интеллектуальной книги; Гнозис, 1999. 208 с.
3. **Данте Алигьери.** Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 567 с.

4. Кессиди Ф. Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 5-37.
5. Макгилл В. Идея счастья / пер. с англ. Л. Д. Петровой // Категории человеческого существования. М.: ИНИОН, 1992. Вып. 5. Страдание и счастье: реферативный сборник. С. 42-59.
6. Пионткевич Л. Ю. Добродетель в контексте учения Аристотеля о справедливости // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 4. С. 47-51.
7. Платонов-Поляков Р. С. Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 15. С. 70-90.
8. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. 336 с.
9. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
10. Чанышев А. М. Аристотель. М.: Мысль, 1981. 156 с.
11. Чернова Я. С., Медведев Н. В. Философская герменевтика Поля Рикёра: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 140 с.
12. Lear G. R. Happiness and the Structure of Ends // A Companion to Aristotle / ed. by Georgios Anagnostopoulos. Wiley-Blackwell, 2009. P. 387-403.

CATEGORY OF HAPPINESS IN ARISTOTLE'S MORAL PHILOSOPHY

Medvedev Nikolai Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
mnv88@mail.ru

Modern moral philosophy has been influenced for a long time by two main theories: Kantianism and utilitarianism. Growing dissatisfaction with these theories contributed to the revival of Aristotle's ethical theory of happiness and theory of virtues in the last decades. The paper examines one of the main themes of Aristotelian moral philosophy – the category of “happiness”, deals with the most controversial issues related to the notion of happiness. Aristotle's theory of happiness is the most fully developed, clear and comprehensive in comparison with similar theories. The application goal of the research is to induce the reader to the serious, thoughtful study of Aristotle's moral philosophy, which will help to develop a personal idea about lifestyle that is relevant to the idea of human happiness.

Key words and phrases: good; happiness; virtue; moral philosophy; eudemonism; Aristotle; “Nicomachean Ethics”.

УДК 7; 7.03

Искусствоведение

В настоящее время большой интерес вызывает проблема новаторства, нетрадиционный подход к любому явлению культуры считается наиболее жизнеспособным и актуальным. Однако культура не может развиваться и существовать без традиций, от них зависит ее целостность, именно традиции являются точкой опоры для изменений. В данной статье предпринимается попытка выявить особенности формирования художественных традиций, а также определить вектор их развития на примере монгольского изобразительного искусства.

Ключевые слова и фразы: художественная традиция; художественный опыт; фольклор; декоративность; орнаментальность; национальное искусство.

Мелехова Ксения Александровна, к. искусствоведения
Алтайский государственный университет
kschut@mail.ru

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В ИСКУССТВЕ МОНГОЛИИ

Этимология термина *традиция* – от латинского *traditio* – «передача». В широком смысле данный термин определяет исследователь Д. И. Варламов: «Традиции – это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение социально значимые обычаи, обряды, общественные установления, нормы поведения, образцы действия, взгляды, знания, умения, ценности и т.п.; элементы социально-культурного наследия, устойчиво сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени» [2, с. 115]. В традициях изначально заложена программа модернизации, которая дает импульс для новаторства. «Природа традиций процессуальна, она определяет направление развития и обновления культур, служит связующим звеном различных художественных эпох» [3, с. 6]. Основатель сибирской научно-педагогической школы искусствоведения Т. М. Степанская определяет традицию как «совокупность социальных эстафет, где характер инноваций в культуре, языке, в различных формах социальной деятельности невозможно представить вне связи с диалектикой развития традиции» [7, с. 152]. Для искусствознания наиболее актуальной является проблема изучения художественной традиции, опыта ее передачи, наследования,